

БЛОК И ПРИШВИН

Вступительная статья Н. В. Реформатской

В ряду крупнейших писателей нашего века, современников Пришвина, тех, кто вошел в его собственную биографию, Блок занимает особое место.

«Есть люди,— записывает Пришвин в своем дневнике,— от которых является подозрение в своей ли неправоте, или даже в ничтожестве своем и начинается борьба за восстановление себя самого, за выправление своей жизненной линии. Такой для меня Блок <...>

Блок для меня — это человек, живущий „в духе“, редчайшее явление. Мне так же неловко с ним, как с людьми из народа: сектантами, высшими натурами. Это и плюс аристократизм стиха, в общем, какая-то мучительная снежная высота, на которой я не бывал, не могу быть, виновачусь в этом себе и утешаюсь своим долинным бытием без противопоставления».

Запись датирована 21 сентября 1926 г. (см. публикацию). Она пронизана глубокой взволнованностью: в ней и восхищение духовным обликом Блока, и признание его высокого морального авторитета.

Эта дневниковая запись Пришвина имеет свою длинную предысторию и отсылает нас к далеким дням личных встреч Блока и Пришвина.

Блок был на семь лет моложе Пришвина, но по литературному стажу почти настолько же старше его. Блок был уже прославленным поэтом-символистом, автором многих поэтических сборников и начатого издания трехтомного собрания стихотворений, когда Пришвин появился на литературном горизонте с двумя книгами очерков о Северной России — «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908).

Пришвин познакомился с рядом писателей-символистов, сблизился с А. Ремизовым, очень симпатизировавшим молодому писателю, был благосклонно принят в салоне З. Гиппиус и Д. Мережковского, стал посещать собрания Религиозно-философского общества в качестве его действительного члена.

На одном из собраний он «заново» познакомился с В. Розановым, своим бывшим учителем по елецкой гимназии, из-за которого ему пришлось ее покинуть¹.

Там же произошло знакомство Пришвина с Блоком и состоялся тот навсегда запомнившийся Пришвину разговор с поэтом о книге «За волшебным колобком», когда Блок сказал: — «Это, конечно, поэзия, но и еще что-то...»

Четверть века спустя Пришвин приводит этот отзыв Блока о «Колобке» в своем автобиографическом очерке и пишет: «Так и сказал знаменитый поэт о книге начинающего автора, и уж конечно, как всегда в таких случаях, начинающий автор записал его в своем сердце на веки вечные, как вопрос, подлежащий разрешению во времени».

В 1909 г. появилась третья книга Пришвина — «У стен града невидимого» — очерки о его путешествии летом 1908 г. в Керженские леса на Светлое озеро к заволжским старообрядцам-сектантам.

Еще в первую книгу о Севере России Пришвин включил несколько интересных очерков об истории раскола в Выговском крае и своих встречах с так называемыми «скрытниками». Соприкосновение с петербургскими богоискателями из Религиозно-философского общества, интересовавшимися проблемами религиозного сектантства, способствовало подъему собственного интереса Пришвина к этой теме.

Первым, кто откликнулся в печати на эту книгу Пришвина, оказался Блок, выступивший с рецензией на нее в газете «Речь» (19 октября 1909 г. — V, 65). Обычно скупой на похвалы поэт писал о прекрасном владении Пришвиным русским языком и о богатстве его чисто народного словаря, «совершенно забытого нашей показной и по преимуществу городской

Контора и редакция
газеты

„БОЛЯ НАРОДА“

Телеф. конт. 190-42, ред. 192-28.

Бассейная, 55/37.

ПЕТРОГРАДЪ.

29.11.17

29 ноября 1917 г.

Адресное: Нов. Востр.

18 мая г. 20 н. 93

Минск, Милославский
Трашвинку

Минск

Александр Александрович!

Однажды мне в отписке писали, что вы
были в Ленинграде, приехали из «Восток Ка-
рета», в котором находились Ваши стихи
«Славянский бог». В получении Вашей отписки
от Релинкова, я радовался, но себя отпустил
вспомнить — что Вы не обидитесь за «Бог страши», но
и вы тогда записались в Ленин и не дождались
Не думаю — и еще тогда вы были в Ленинграде? А
(это касается «Восток»), хотя бы из своего? А
главное нужно это вынуть от Вас для Родины.
Кто знает, когда будет печататься иллюстрированное
дополнение, т. е. в России Родина не улетит.

Еще раз пишу Вам и сердится за Бог страши, а сама
родина — Релинкова за меня отвечает, и поставит в Ленин,
и так у меня многого. Мне много придется Вам —

М. Пришвин

Р. В. Тихонов по тр. стр. в субботу в каторгу, а сами не могут идти —
только, приехали.

ПИСЬМО М. М. ПРИШВИНА БЛОКУ 29 НОЯБРЯ 1917 Г.

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

литературой». В то же время Блок сетовал, что литературной формой Пришвина владеет не так свободно, как языком, отчего его книги, «очень серьезные, очень задумчивые, очень своеобразные», читаются с трудом.

В заключение рецензии Блок подчеркнул большую ценность книги Пришвина «У стен града невидимого» для этнографов и исследователей раскола и сектантства.

Надо думать, что не только поэтичность очерков Пришвина, их художественные достоинства, но и сама тема книги сыграла немаловажную роль в появлении рецензии Блока: это было как раз то время — конец 1907—1909 гг., когда захвативший соратников поэта по символизму интерес к сектантству затронул и его самого.

В поэзии Блока свидетельством этого интереса является одно из стихотворений цикла «Родина» — «Задебренные лесом кручи» — напоминание сегодняшней (испуганной России) о временах крепких духом раскольников-самосожженцев (III, 248).

Тема сектантства затронута Блоком в ряде статей 1907—1908 гг.: «Литературные итоги 1907 года», «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура». В связи с главной темой этих статей — темой разрыва между народом и интеллигенцией — вставал и вопрос о современном сектантстве. Опираясь на письма участников этого движения, подчеркивающих его демокра-

тическое начало, скрытую в нем «до времени» силу народного гнева, Блок полемически противопоставляет это «грозное» явление, «которое растет в России», другому характерному явлению современности — «дрянному факту интеллигентских религиозных исканий» превращающихся в «словесный кафешантан» на тему о боге² («Литературные итоги 1907 года» — V, 212—216).

Так характеризовал Блок работу Религиозно-философского общества, возобновившего после четырехлетнего перерыва 3 октября 1907 г. свою деятельность. А через год — 13 ноября и 30 декабря 1908 г. Блок выступал в Обществе с докладами на тему, составившую содержание его статей «Народ и интеллигенция» и «Стихия и культура». Первый доклад вызвал бурные прения, прерванные вмешательством полиции.

Из письма Блока к матери (от 16 ноября 1908 г.) известно, что после доклада его «обступили сектанты — человек пять, и зовут к себе. Пойду» (VIII, 261). Из письма к матери от 30 ноября 1908 г. мы знаем, что накануне, 29 ноября, Блок вместе с А. М. Ремизовым был у сектантов, «где провели несколько хороших часов. Это — не последний раз»³.

Речь шла, видимо, о существовавшей тогда в Петербурге секте так называемых хлыстов, с которыми по возвращении из поездки на Светлое озеро свел знакомство Пришвин, обогащая свой опыт изучением сектантского мира. Пришвин же содействовал встречам с хлыстами «ученых мистиков» из Религиозно-философского общества, чему посвящен его рассказ «Астраль»⁴.

Среди участников описанной Пришвиным поездки в Лесное (тогдашний пригород Петербурга) к популярной среди «хлыстов» Охтинской «богородице» Блок не угадывается. Замечу только, что поездки к хлыстам, среди которых (как сообщал Блок матери) были даже посещавшие собрания Религиозно-философского общества, не заглушили интереса Блока к раскольничьему движению в крестьянстве и желания лично соприкоснуться с ним. Об этом свидетельствует следующая запись в его книжке 1909 г. под датой «ночь 16—17 февраля»: «Поехать можно в Царицыно на Волге к Ионе Брехничеву. В Олонецкую губернию — к Ключеву. С Пришвиным поваландаться? К сектантам — в Россию» (ЗК, 131). И оба сектанта (корреспонденты Блока) — поэт из раскольников И. Брехничев и молодой крестьянский поэт-раскольник Н. Ключев, привлекавший тогда к себе большое внимание Блока и переписывающийся с ним, и Пришвин — все три имени, три варианта поездок, были для него как три возможных «окна в народ».

Но раздумья об этих поездках остались только раздумьями. После тяжелого горя (смерти ребенка в феврале, через десять дней после рождения) Блок с женой отправился весной 1909 г. в Италию. Пришвин же из скитавшегося по заволжским лесам богоискателя превратился в легендарного «Черного араба», извездившего на «пегатом коне» широкие просторы Киргизской степи в поисках «Земли обетованной».

Были ли, и на какой почве встречи у Блока с Пришвиным после 1909 г., — нам неизвестно. В 1914 г., судя по лаконичным записям Блока за февраль, март, октябрь, он не раз встречался с Пришвиным в редакции издательства «Сирин», куда Пришвин заходил во время своих наездов из Новгорода, где он в то время жил. В редакции бывали также А. Ремизов, критик Р. В. Иванов-Разумник. Одна из таких записей Блока гласит:

«В „Сирин“ (Опять Пришва помешала говорить. Все-таки говорил с Ивановым-Разумником)» (ЗК, 216).

После этого судочно-укоризненного восстановления этимологии фамилии Пришвина имя его надолго исчезает из записных книжек Блока.

Наступает Великая Октябрьская революция, которую Блок — автор «Страшного мира», «Стихов о России», «Возмездия» — встретил поэмой «Двенадцать».

Известно, каким градом негодования и возмущения осыпали поэму бывшие литературные соратники Блока, как изошрялась буржуазная пресса, обвиняя поэта в предательстве и приспособленчестве. Блок не удивлялся этому, но очень огорчился, когда поэму не принимали друзья⁵.

Поэма «Двенадцать» появилась в газете «Знамя труда» 3 марта 1918 г., но первый шквал нападков на Блока, и едва ли не еще более сильный и резкий, обрушился несколько раньше, в связи с его статьей «Интеллигенция и революция», написанной в самом начале января и опубликованной в той же газете 19 января 1918 г.

Накануне, 18 января, в газете «Петербургское эхо» (вечерний выпуск) был напечатан продиктованный Блоком несколько дней назад по телефону в редакцию газеты «Ответ на

анкету: „Может ли интеллигенция работать с большевиками?“ Блок ответил: „Может и обязана“ (VI, 8 и 496) — и обещал дать ряд фельетонов на тему «Россия и интеллигенция».

Первый опыт на эту тему, появившийся десять лет назад в годы реакции — «Народ и интеллигенция», — был полон уже неясных предчувствий неизбежной катастрофы, упреков и предостережений интеллигенции, что оторванность от народа может оказаться для нее гибельной.

Теперь, когда «долгая, бессонная, наполненная призраками ночь» ушла в прошлое, когда задумано «передать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью», поэт призывает художников слова видеть «то, „что задумано“, слушать музыку революции, то „о чем ревет“ ее поток» (VI, 14—15).

Нужно было обладать мужеством Блока, его историческим чутьем, убежденностью в своей правоте, смелостью, осознанием гражданского долга писателя перед народом, чтобы с такой страстностью обращаться к интеллигенции с призывом слушать музыку революции в тот момент, когда большая ее часть, подавленная размахом революции, растерянно думала, с кем и куда ей идти.

Сейчас, перечитывая этот замечательный образец блоковской публицистики, поражаешься экспрессивности ее художественных образов, ее ритмической напряженности, как бы выдержанной на одном дыхании, на одном порыве вперед. И вспоминаются слова Горького о Блоке: «это — человек бесстрашной искренности»⁶. О том же писала и Цветаева: «Блок? Это сплошная совесть», «не всякому дано быть совестью своей страны». И еще раньше в ее «Стихах к Блоку» (1921): «бессонная совесть» поэта⁷.

Но в дни, когда статью Блока впервые читали на полосах газеты «Знамя труда», немногие из тех, к кому он обращался с призывом слушать музыку революции, способны были признать правоту позиций поэта, поверить в его искренность! В лучшем случае его обвиняли в политической наивности созданных им «красных призраков»⁸, в худшем — в бесчестии, потере таланта и совести, трусости и прочих грехах.

Против статьи Блока «Интеллигенция и революция» резко выступил и Пришвин. В газете «Воля страны» (орган эсеров) был опубликован «Ответ Александру Блоку» под названием «Большевик из „Балаганчика“».

В тот же день, 16 февраля 1918 г., в записной книжке Блока отмечено: «Г-н Пришвин хаит меня в „Воле страны“, как не хаил самый лютей враг. Письмо ему» (ЗК, 388).

Блок был прав. Он достаточно много слышал возмущений по своему адресу со стороны реакционной критики, но от писателя, казалось бы, духовно близкого услышать такой ответ, какой написал Пришвин, было, конечно, особенно больно. Недаром он тут же послал письмо Пришвину.

«Ответ Александру Блоку» написан был с нескрываемым раздражением и полон разоблачительно-иронических образов, через которые, как сквозь строй, автор проводит поэта и заканчивает свой фельетон патетическим предупреждением, что «на большом Суде у тех, кто владеет словом, „спросят ответ огненный“, и слово скучающего барина там не примется»⁹.

Суд истории решил по-другому.

Блок — барин, «скучающий, кающийся барин Александр Блок», Блок, который говорит о войне — как «земгусар», о революции — как «большевик из „Балаганчика“, — все эти образные характеристики «нашего любимого поэта» имели чисто внешнюю связь с фактами социальной и творческой биографии Блока и звучали подчеркнуто иронично¹⁰.

Блока, пришедшего к революции, Пришвин связывал со своими воспоминаниями о времени, когда они вместе «подходили к хлыстам, — я — как любопытный, он — как скучающий»¹¹.

Естественно напрашивается вопрос: почему «как скучающий»? Ведь время десятилетней давности, о котором вспоминает Пришвин, 1908—1909 г., было временем очень напряженной и разнообразной творческой работы Блока в области поэзии, театра, публицистики, выступлений с докладами. Характерна цитата из письма Блока к матери от 14 декабря 1908 г.: «...Все дни очень полны, постоянный наплыв дум и дел». И ей же несколько раньше, 16 ноября 1908 г., вскоре после прочитанного доклада «Россия и интеллигенция»: «Жаль, что тебя здесь нет. Здесь интересно. Я опять деятельно настроен» — VIII, 268 и 262. (На этом докладе Блока присутствовал и Пришвин.)

Пришвин вспоминает встречи с хлыстами, у которых, согласно обряду, в чан с водой

погружались в знак очищения и возрождения к новой жизни хлыстовские вожди и пророки: «Хлысты говорили: Наш чан кипит, бросьтесь в наш чан и воскреснете вождем»¹². Из этих воспоминаний вырастает у Пришвина в полемическом азарте и образ «кипящего чана» революции и язвительно-риторическое обращение к автору статьи «Интеллигенция и революция»: «Только не подходите к чану кипящему с барским чувством: подумать и, если что (...) броситься в чан», т. е. стать вождем «пролетариев».

Такова схема фельетона «Большевик из Балаганчика»¹³.

Все, что увидел Блок в Октябрьской революции — неизбежность исторического везения и разрешение прежде всего моральных проблем, идея всеобщей справедливости и рождения новой духовной культуры — было в дни великих революционных событий закрыто от Пришвина, как и от многих других литераторов того времени, пеленой жестоких противоречий настоящего дня.

Пройдет около четырех лет, и имя Пришвина вновь появится в печати в связи с Блоком — на этот раз как имя автора восторженного отзыва на книгу «Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок»¹⁴.

Что побудило Пришвина выступить с отзывом на эту книгу, помимо естественного интереса к ее содержанию? Не желание ли воспользоваться случаем, чтобы сказать доброе слово о поэте и вывести себя из числа его бывших врагов? Отзыв дает ему повод вспомнить о былых встречах с Блоком в Религиозно-философском обществе, где Блок «еще за несколько лет до революции выступал с пророчеством о революции», о встрече с Блоком на улице Петрограда, когда, работая над этой книгой, он с документами в руках «ходил, считал, мерил кусок оторванной жизни».

«В этой небольшой книжке по-видимому нет ничего блоковского, — пишет Пришвин, — фактический памятник... Но едва ли в какой-нибудь книге факт будет окружен обаянием своей фактичности — так чисто, отчетливо он выступает из Блока. Почему так? А потому, что эта книга все-таки вытекает из Блока, и если мы видим в ней аршин, то этот аршин не „свой аршин“ (всякий меряет на свой аршин), а тот особенный, святой, которым мерил и Леонардо свои фигуры».

Тогда же — 9 декабря 1922 г. в дневнике Пришвина (после разговора с О. Мандельштамом о молодых поэтах) появляется такая запись: «Тут я вспомнил Блока — вот кто единственный отвечал всем без лукавства, и по правде, вот был истинный рыцарь»¹⁵.

Имя поэта в связи с размышлениями об эпохе символизма и отдельных ее литературных деятелях будет не раз появляться на страницах дневника Пришвина. Особый интерес представляет его высказывание о поэме «Двенадцать».

В 1929 г. выходит в свет повесть Пришвина «Журавлиная родина»; во второй главе повести — «Муки творчества» — Пришвин, размышляя по поводу различных приемов художественного творчества и в том числе случаев «обожествления» писателем собственного образа, пишет: «Сильно подозреваю, что Христос в поэме Блока „Двенадцать“, грациозный, легкий, разукрашенный розами, есть обожествленный сам Блок, иллюзорный вождь пролетариев»¹⁶.

Нетрудно в этом толковании образа Христа, появляющегося в финале поэмы «Двенадцать», услышать отзвук знакомой пришвинской характеристики образа Блока — автора статьи «Интеллигенция и революция». В дневниковой записи от 10 января 1929 г., где много переключек со второй главой «Журавлиной родины», Пришвин, повторяя сказанное в повести, добавляет: «эту свою догадку я очень подтверждаю себе наблюдением мистически-хлыстовской среды, окружавшей поэта»¹⁷.

Нет надобности опровергать эту «догадку» и ссылаться на авторитеты исследователей поэмы Блока, тем более, что в конце концов от нее Пришвин отказался сам. Проходят еще многие годы жизни советского народа и участия в ней писателя Пришвина, суровые годы войны с фашизмом, пережитые вместе со всей страной, годы раздумий о духовном мире соотечественника, его чувстве Родины, и Пришвин вновь и вновь обращается к поэме Блока и по-новому раскрывает для себя смысл шествия «Двенадцати»: «Боже мой! Я, кажется, только сейчас подхожу к тому, что сказал Блок в «Двенадцати». Фигура в белом венчике есть последняя и крайняя попытка отстоять мировую культуру нашей революции. Как же я тогда этого не понимал. Как медленно душа моя опознает современность...».

Так записал Пришвин в своем дневнике 16 марта 1951 г. (см. публикацию).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом в романе Пришвина „Кащеева цепь“ (глава „Маленький Каин“).
- ² М. Пришвин. Собр. соч. в 6 томах, т. 4. М., «Худож. литература», 1957, с. 10. Пришвин истолковал это блоковское «еще что-то» как постоянное наличие в его очерках «родственного внимания» к материалу, позволяющему выявлять «лицо самой жизни», ее правду.
- ³ «Письма к родным», I, с. 236.
- ⁴ М. Пришвин. Астраль (к процессу Охтинской «богородицы»).— «Заветы», 1914, апрель, с. 79—80.
- ⁵ 11 мая 1918 г. Блок отметил в записной книжке: «Поразительное известие от Разумника Васильевича (вчерашний номер «Дела народа») — отказ Пяста и Ахматовой от меня. Сокологуб тоже» (ЗК, 406). Блок имел в виду сообщение в газете «Дело народа» (по словам Р. В. Иванова-Разумника), что 13 мая названные поэты должны были выступать на вечере литературного кружка «Арзамас», но, узнав, что в программе вечера стоит чтение женой Блока поэмы «Двенадцать», от участия отказались.
- ⁶ Д. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., 1939, с. 87.
- ⁷ М. Цветаева. Избр. произв. Л., 1965, с. 102.
- ⁸ «Красные призраки» — название статьи Г. Чулкова.— «Народоправство», М., 1918, № 23—24.
- ⁹ М. Пришвин. Большевик из «Балаганчика» (ответ Александру Блоку).— Газ. «Воля страны», ПГ., 3/16 февраля 1918 г.
- ¹⁰ Напомним запись Блока в «Дневнике» от 6 декабря 1919 г., ценнейшую для понимания поэтом революции. Дворянин по происхождению, интеллигент по духу и по профессии, Блок, размышляя о разгроме Шахматова, вспоминал, что в молодости «любил погарцевать по убогой деревеньке на красивой лошади (<...> спросить дорогу, которую знал и без того, у бедного мужика, чтобы пофорсить, или у смазливой бабенки, чтобы нам блеснуть друг другу мимолетно белыми зубами». Блок как бы читает про себя мысли бедноты, которая знала, что молодой барин и его невеста «оба господа. А господам — приятны они или нет — постой, погоди ужотко покажем. И показали. И показывают». Личный опыт помог Блоку понять непреодолимый антагонизм между деревней и барской усадьбой и осознать революцию как неизбежное и справедливое историческое возмездие. И даже после недоразумения с печатанием поэмы «Двенадцать» в типографии Государственного издательства, когда чьи-то руки по недоверию к бывшему барину стали выкидывать из станка его книгу («как же, мол, гарцевал барин, гулял барин, а теперь за нас? Ой, за нас ли барин?»), Блок пишет «не смею я судить» (VII, с. 353—354).
- ¹¹ См. прим. 10.
- ¹² См. прим. 10.
- ¹³ Полемическое использование Пришвиным заглавия пьесы Блока «Балаганчик» имело своих предшественников: В. В. Розанов, обидевшись на Блока за его резкую критику заседаний Религиозно-философского общества в статье «Литературные итоги 1907 года», выступил под псевдонимом В. Варварин с ответным фельетоном под названием «Автор „Балаганчика“ о петербургских религиозно-философских собраниях» («Русское слово», 1908, 25 января). Д. С. Мережковский назвал свой ответ на статью Блока «О современном состоянии русского символизма» «Балаган и трагедия» («Русское слово», 1910, 17 сентября).
- ¹⁴ См. альманах «Феникс» I, М., 1922, с. 177—178.
- ¹⁵ «Контекст. 1974», с. 326.
- ¹⁶ М. М. Пришвин. Собр. соч., т. 4, с. 323.
- ¹⁷ «Контекст. 1974», с. 353.

ПИСЬМО БЛОКА ПРИШВИНУ

Публикация В. Д. Пришвиной

(Петроград) 16 февраля 1918 г.

Михаил Михайлович, сегодня я прочел Вашу статью в «Воле Страны». Долго мы с Вами были в одном литературном лагере, но ни один журнальный враг, злейший, даже Буренин, не сумел подобрать такого количества *личной* брани. Оставалось Вам еще намекнуть, как когда-то делал Розанов, на семейные обстоятельства.

Я на это не обижаюсь, но уж очень все это — мимо цели: статья личная и злая против статьи *неличной* и доброй.

По существу спорить не буду, я на правду Вашу (Пришвина, а не «Воли Страны») не нападаю; но у нас — слишком разные языки.